

**ОТРАЖЕНИЕ ЛИЧНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ АВТОРА
В ОПИСАНИИ РУССКИХ ТРАДИЦИЙ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРАЗДНИКОВ
В ПОЭМЕ В ПРОЗЕ "ЛЕТО ГОСПОДНЕ" И.С. ШМЕЛЕВА**

Лысенко Л.А.

ФБГОУ ВПО «Нижевартовский государственный университет», Нижневартовск, Россия (628605, Тюменская область, ХМАО-Югра, г.Нижневартовск, ул. Ленина, 56), e-mail: nggu@wsmail.ru.

Поэма в прозе "Лето Господне" является вершиной творчества И.С. Шмелева. Автор передает свой личный детский опыт воцерковления, жизни в религиозной православной семье. Произведение написано в эмиграции, уже в зрелом возрасте, с мельчайшими подробностями в описании православных праздников, обычаев и устоев семьи автора. Таким образом, можно утверждать, что его основу составляют личные религиозные переживания И.С. Шмелева. Основанием этого утверждения служит анализ трех истоков религиозности Шмелева: воспитание в православной семье, брак с воцерковленной женщиной и глубоко религиозное отношение к бесчинствам революционного времени, в том числе гибели сына от рук революционеров. Возможно, личная религиозность автора позволила ему глубоко раскрыть красоту традиций православных праздников, семейных обычаев и устоев.

Ключевые слова: И. Шмелев, православие, праздники, детство, религия, дореволюционная Россия.

**DESCRIBING OF ORTHODOX RUSSIAN HOLIDAY TRADITIONS THROUGH THE
AUTHOR'S UNDERSTANDING OF RELIGIOUSNESS IN THE POEM IN PROSE
"SUMMER OF THE LORD"**

Lysenko L.A.

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartosk, Russia (628605, Tyumen region, KHAMAO-YUGRA, street Lenina, 56), e-mail: nggu@wsmail.ru.

The poem in prose "Summer of the Lord" is the pinnacle of I.S. Shmelev's creativity. The author shares his church-going childhood experience, religious life in an Orthodox family. The piece was written in emigration, when the author was at a mature age. It contains detail descriptions of Orthodox holidays, customs and practices of his family. Thus, it can be argued that the work is based on IS Shmelev's personal religious experiences. The basis of this statement is the analysis of the three sources of Shmelev's religiosity: education in the Orthodox family, marriage with a church-going woman and deeply religious attitude towards the excesses of revolution, including his son's death at the hands of the revolutionaries. Possibly a personal religiosity allowed him deeply to reveal the beauty of tradition Orthodox holidays, family customs and practices.

Keywords: I. Shmelev, Russian Orthodoxy, holidays, childhood, religion, prerevolutionary Russia.

Имя И.С. Шмелева относится к так называемым «возвращенным именам». Он принадлежал к 1 волне писательской эмиграции. Был одним из немногих писателей, кто приветствовал февральскую революцию 1917 года, однако октябрьскую революцию не принял. Более того, вынужден был эмигрировать. За рубежом Шмелёв создал большинство своих великих произведений. Однако, на родине имя его долгое время было под запретом ввиду его принадлежности к русской эмиграции и политических взглядов. Начиная с 90-х годов, происходит возвращение Шмелёва русскому читателю.

Именно в эти годы XX столетия в нашей стране начал возрождаться интерес к религии: к традиционной религии Руси – православию. В стране стали возводить или восстанавливать храмы, открывать воскресные школы, православные гимназии. Как

следствие, понадобились материалы, с помощью которых можно преподавать основы православия. Да и многим русским людям пришлось заново проходить этап воцерковления, знакомства с христианством. Частично это можно сделать и на материале поэмы в прозе «Лето Господне». Эти две тенденции, характерные для современных литературоведения и общества, и обуславливают актуальность изучения как личности самого автора, так и воплощение его религиозного мировоззрения в произведении "Лето Господне".

Цель исследования, отраженного в материалах данной статьи, – проследить корни глубокой личной религиозности автора и её воплощение в описании русских традиций православных праздников в поэме в прозе «Лето Господне» И.С. Шмелева. Материалами, которые легли в основу статьи, стали данные из различных биографических и литературно-критических источников о жизни и творчестве И.С. Шмелёва, а также текст названной поэмы в прозе. Методами исследования явились биографический, культурно-исторический, сравнительно-исторический, герменевтический, а также элементы системно-целостного анализа литературного произведения.

Все мы родом из детства. И Иван Шмелев подтверждает эту мысль в своем творчестве. Родился и вырос прозаик в Замоскворечье, в семье известного в столице подрядчика по строительным работам. В доме сохранялись традиции православного благочестия, патриархальный уклад [6, с. 603].

Семья будущего писателя в известном смысле не была просвещенной, в доме кроме старенького Евангелия, молитвенников, поминаний да в чулане на полках «Четы Миней» прабабушки Устиньи, других книг не было. Жизнь протекала по когда-то заведенному порядку. Семья почитала святыни, посещала церковь, ходила на богомолье [9, с. 10]. В детстве Шмелев любил церковные праздники. Как все в семье соблюдал посты, посещал всенощные, обедни, а говенья воспринимал как увлекательный подвиг. Но в юности он утратил свою воцерковленность, к вере стал безразличен и отдал дань критицизму [9, с. 24]. Тем не менее, большинство его произведений имеют религиозную направленность. И ее истоки, их можно выделить сразу несколько, были заложены еще в раннем возрасте.

По словам современников автора, вторым всплеском развития религиозного сознания Ивана Шмелева стала встреча с его супругой Ольгой Александровной – глубоко верующей женщиной. Впервые они встретились, когда ей было шестнадцать, ему – восемнадцать. В то время генеральская семья героя Севастопольской обороны А.А. Охтерлони снимала у Шмелевых квартиру. Генерал вел родословную от шотландских дворян, на гербе которых сияли эмблемы королевской династии Стюартов. Но все это не помешало любви высокородной Ольги и купеческого сына Ивана: она была взаимной и счастливой многие-многие годы. ...Ольга Александровна внесла в суматошную жизнь студента семейную

размеренность, тишину и порядок. Будучи религиозной, приохотила к молитве и Ивана Сергеевича. «Она потихоньку, – вспоминал друг Шмелевых, известный философ и богослов А.В. Карташев, – очистила от пыли божницу, заправила остывшую лампадку и засветила ее. Она же убедила Ивана Сергеевича совершить свадебное путешествие не на юг, не за границу, куда все ездят, а на север, на Валаам, в знаменитый монастырь, куда сотни россиян ежегодно отправлялись на богомолье» [7, с. 12]. Своеобразным итогом этой поездки стала первая книга – путевые очерки «На скалах Валаама». По мнению исследователя О. Михайлова, это восторженное и благостное повествование о духовном прозрении «шатнувшегося от Церкви» человека. Новый, мало кому ведомый мир открылся ему на островах светлого и сурового Валаама, на его святых горах и в лесах, где одиноко укрывались скиты отвергнувших все мирское и посвятивших свои дни и труды Богу и молитве.

Вот одно из десятков наблюдений, тронувших душу юного бытописателя монашества: трапеза богомольцев. «Я вслушиваюсь в шорох, в мерное, углубленное жеванье сотен людей, и приходит на мысль не думанное раньше: какое важное совершается! Я как бы постигаю глубокий смысл: «В поте лица твоего будешь есть хлеб твой. Впервые чувствую я, забывший проникновеннейшее моление: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь». Смотрю на старичков, как благоговеино-радостно вкушают они этот хлеб насущный ... не едят, а именно вкушают, как дар чудесный ... не услаждаются, а принимают молитвенно, чинно, в смирении... и думаю: «Как это хорошо! И это не простое, не обиходное, а священное что-то в этом, возносящее, освящающее человека!» [10, с. 116].

Однако, Шмелев на Валааме увидел и другие моменты, которые могли отвратить автора от религии. Показателен в этом плане разговор с цензором. «Он смотрел на одутловатое лицо князя Н.В. Шаховского и слушал его цензорский приговор: «Вы автор? Это что же, пикник из Валаама устроили? Не возражайте. Так нельзя-с. И порнография... Да позвольте, у вас бабы моют в банях.. мужчин! Ну не Валааме...еще бы вы – на Валааме! В Финляндии, но в книжке о Валааме! И про пьяных купчиков и девок...»[9, с. 36]. Этот диалог довольно показателен: в обители Шмелев увидел много неподобающего столь святому месту. Да и отправлялся он туда со своими взглядами интеллигентного образованного человека: монахи ему представлялись корыстолюбцами и тунеядцами. Однако, что его удивило, их абсолютно бесплатно разместили в паломнической, также бесплатно кормили в трапезной. Все, что возведено в обители, оказалось плодом рук монахов. Прежде насельники монастыря казались ему темными, непросвещенными. Однако, уже на теплоходе купец рассказывал паломнику о том, что у них везде машины. Так, по мнению Максима Дунаева, уже на Валааме Шмелев стал чувствовать, что в его

сердце не есть много земного и мало небесного. Исследователь писал, что все это открылось тогда не случайно, хоть и не было создано в полноте – до времени: в том соединении «земного» с «небесным» – скажется важнейшая особенность Шмелева-писателя, когда он достигнет того, что будет ему предназначено в творчестве... Там, на Валааме, он начнет визнавать то, что станет основой его мироздания и мироотображения. Недаром прозорливый схимник ему сказал: «Дай вам Господь получить то, за чем приехали». А он и сам не понимал: зачем. Но: получил» [3, с. 614]. После этого странствия к святым обителям в Шмелеве, как никогда прежде, ускоренной поступью началось пробуждение того, что активно существовало в нем только в детские, чистые годы: религии [6, с. 113].

Третьим моментом, обусловившим еще более глубокое обращение И. Шмелева к Богу, стала гибель сына. В 1920 году офицер Добровольческой армии Сергей Шмелев, отказавшийся уехать с врангелевцами на чужбину, был взят в Феодосии из лазарета и без суда расстрелян. И не он один. Как рассказывал 10 мая 1921 года Бунину И. Эренбург, «офицеры остались после Врангеля в Крыму главным образом потому, что сочувствовали большевикам, и Бела Кун расстрелял их только по недоразумению. Среди них погиб и сын Шмелева...» [6, с. 119]. Возможно, только вера и помогла ему пережить эту трагедию и вдохнула в него порыв творчества. Например, в поэме «Лето Господне» словно звучит его призыв ко всем родителям и некое поучение, на каких идеалах нужно растить своих детей, чтобы они стали достойными членами общества. Причем эпоха не имеет значения. Вечные ценности вечными и остаются.

Тема религии, духовного устройства общества живо волновала писателя во все периоды творчества. Зачатки религиозного мироощущения можно наблюдать в цикле очерков «На скалах Валаама» и в самой известной дореволюционной повести «Человек из ресторана», насыщенной показателями будущего обращения писателя к глубокой вере. Чувством веры и предвкушением духовного преображения мира проникнут финал эпопеи «Солнце мёртвых», созданной в первые, самые сложные, годы эмиграции. Но, пожалуй, вершиной религиозного творчества Шмелёва, отражения его личных религиозных переживаний, стала поэма «Лето Господне».

«Шмелев есть, прежде всего, русский поэт – по строению своего художественного акта, своего созерцания, своего творчества,- так писал один из первых исследователей творчества И.Шмелева, его друг Иван Ильин. В то же время он – певец России, изобразитель русского, исторически сложившегося душевного и духовного уклада; и то, что он живописует, есть русский человек и русский народ – в его умилении и в его окаянстве. Это русский художник пишет о русском естестве. Это национальное трактование национального» [4, с. 335]. Этим трактованием национального в поэме «Лето Господне» стал

традиционный уклад жизни православной семьи, где каждый день, месяц, год подчинены веками устоявшимся традициям христианства.

По мнению М. Дунаева, «Лето Господне» – книга Шмелева о Промыслительной Божией помощи человеку в деле его спасения. О пребывании в мире Христа – ради спасения человека. И не случайно, продолжает исследователь, начинается «Лето Господне» с Чистого понедельника, с Великого Поста – с сугубого очищения души через духовное переживание сорокадневного поста Самого Спасителя перед началом Его проповеднического земного служения, через переживание скорбей Страстной седмицы, Крестной Жертвы... Исследователь считает, что в поэме укрепляется вера человека, питающая дух его. И Лето Господне – в церкви. Шмелев, как религиозный человек, показывает жизнь человека не в смене времен года, но в церковном богослужебном круге. Человек идет по времени, отмеченному событиями церковной жизни [3, с. 727]. По-видимому, не случайно и многие главы «Лета Господня» получили заглавия согласно названиям православных праздников. Как справедливо замечает Максим Дунаев, все проходит человек: «Праздники», «Радости», «Скорби» – так обозначены основные части «Лета Господня» [3, с. 727]. Круг религиозных праздников радости и праздников скорби, представленный в поэме, обозначен нами в следующей таблице:

I. Праздники. II. Праздники радости.	III. Скорби.
I. «Великий Пост»: <ul style="list-style-type: none"> - «чистый понедельник»; - «ефимоны»; - «мартовская капель»; - «постный рынок». «Благовещение» «Пасха» «Розговины» «Царица Небесная» «Троицын день» «Яблочный Спас» «Рождество» «Святки»: <ul style="list-style-type: none"> - «птицы Божьи»; - «обед «для разных»; - «круг царя Соломона»; «Крещение» «Масленица» II. «Ледоколье» «Петровками» «Крестный ход» «Покров» «Именины»: «преддверие», «празднование» «Михайлов день» «Филиповки»	«Святая Радость» «Живая вода» «Москва» «Серебряный сундучок» «Горькие дни» «Благословение детей» «Соборование» «Кончина» «Похороны»

«Рождество» «Ледяной дом» «Крестопоклонная» «Говенье» «Вербное воскресенье» «На Святой» «Егорьев день» «Радуница»	
--	--

По наблюдению А. Любомудрова, смысл и красота православных праздников, обрядов, треб, обычаев, остающихся неизменными из века в век, раскрыт Шмелёвым настолько точно, что книга и для русских эмигрантов, для современного русского читателя стала настольной книгой, своеобразной энциклопедией [5, с. 133]. Шмелев начал свою «русскую эпопею» с идеи покаяния, с Великого поста. Он включал в текст отрывки из тропарей праздников, стихир, кондаков, псалмов; из «Великого канона» св. Андрея Критского, из Евангелия. Наставник Горкин объяснял главному герою поэмы – мальчику Ване – каждый праздник по-своему. Рассказывал и о церковных службах: порядке богослужения и убранстве церкви в определенный праздник — например, в Великий пост, Троицу, на Преображение. О благочестивых обычаях мирян, о куличах и пасхах, «крестах» на Крестопоклонной неделе, о «жаворонках»... Эмигрантский богослов А.В. Карташев приносил Ивану Сергеевичу десятки томов из библиотеки Духовной Академии в Париже, а Часослов, Октоих, Четьи-Минеи и Великий Сборник писатель купил себе сам. Шмелев ходил на службы в православные церкви Парижа: на Сергиево подворье, в храм Александра Невского. И сам строго соблюдал в домашнем обиходе все обычаи и традиции, что было для него не сложно, т.к. детское воспитание его, в купеческой семье, было религиозным [8, с. 12].

Стоит заметить, что до революции 1917 года православные праздники (дванадцатые и великие) совпадали с государственными. И вся жизнь России была подчинена церковному кругу праздников. В свою очередь, история православной религии – это часть реальной истории и культуры русского народа [2, с. 17].

Эту мысль подтверждает И.Ильин в книге «О тьме и просветлении». Говоря о «Лете Господнем», он отмечает, что в поэме Шмелев строит фабулу поэмы как бы на внешней эмпирической последовательности времен, а в сущности, идет вослед за календарным годом русского Православия. Годовое вращение, этот столь привычный для нас и столь значительный в нашей жизни ритм жизни, имеет в России свою внутреннюю, сразу климатически бытовую и религиозно-обрядовую связь. И вот, в русской литературе впервые изображается этот сложный организм, в котором движение материального солнца и движение духовно-религиозного солнца срастаются и сплетаются в единый жизненный ход.

Два солнца ходят по русскому небу: солнце планетное, дававшее нам бурную весну, каленое лето, прощальную красавицу-осень, строго-грозную, но прекрасную и благодатную белую зиму; и другое солнце, духовно-православное, дававшее весной - праздник светлого, очистительного Христова Воскресения, летом и осенью – праздники жизненного и природного благословения, зимою, в стужу – обетованное Рождество и духовно-бодрящее Крещение. Шмелев показывает нам и всему остальному миру, как ложилась эта череда дву-солнечного вращения на русский народно-простонародный быт и как русская душа, веками строя Россию, наполняла эти строки Года Господня своим трудом и своей молитвой. Вот откуда это заглавие «Лето Господне», обозначающее не столько художественный предмет, сколько заимствованный у Двух Божиих Солнц строй и ритм образной смены [4, с. 382].

Безусловно, «Лето Господне» не столько воспроизведение церковного годового круга, как вся жизнь пред Господом, от рождения до смерти. В этом контексте символична «духовная парадигма» «Ваня — Горкин». Не случайно отец мальчика Сергей Иванович называет их «неразлучники» и «наши праведники». Не случайно именно они стали связующим центром повествования. Автор представил одухотворенный евангельским светом быт одной купеческой семьи — и через нее стремился воплотить образ русского народа в его основной, верующей массе. Каждый поступок герои сверяют с Христовыми Заповедями — и в этом смысле они праведники. Не потому, чтобы они были чужды греха, — они грешат, но не намеренно, а по немощи. А согрешив, приносят покаяние и Богу, и людям. Таков отец Вани — натура порывистая, пылкая, горячая и в любви, и в гневе, — но и необычайно совестливая. Трогателен эпизод романа, в котором в первое великопостное утро отец выбегает на мороз в пиджаке и просит прощения у управляющего Василь Васильича Косого за свой нечаянный гнев [1, с. 214].

Образ отца Вани – это образ родного отца Шмелева, и взаимоотношения, описанные в поэме, отражают личные переживания автора в детстве. Потому так глубоко, проникновенно Горкин рассказывает маленькому Ване о русских традициях православных праздников.

Исходя из вышесказанного, можем утверждать, что существует три главных истока религиозности И.Шмелева: во-первых, патриархальный уклад жизни в его семье, воспитание в детстве в духе православных традиций; во-вторых, брак с религиозной женщиной и, конечно, его православное отношение к бесчинствам революционного времени и гибели сына. Личная религиозность И. Шмелёва отразилась во многих его до- и послеоктябрьских произведениях, («На скалах Валаама», «Человек из ресторана», «Солнце мертвых»...), однако, наиболее ярко проявилась в поэме в прозе «Лето Господне». В данном произведении прослеживается осязаемая автобиографичность образа Вани самому автору, глазами

которого – как человека воцерковлённого и глубоко религиозного – преподносится культура русских православных праздников.

В последние годы жизни, как замечает А. Любомудров, Шмелев все более ощущал властное влечение к иному миру, олицетворением которого был для него православный монастырь. ... И желание его осуществилось: 24 июня 1950 года он приехал из Парижа в небольшой монастырь, расположенный в Бюсс-ан-От. По воспоминаниям очевидцев, Шмелев был в приподнятом настроении, радовался, слыша звон церковного колокола. Вечером того же дня он скончался от сердечного приступа на руках монахини в стенах православной русской обители Покрова Божией Матери [5, с. 146].

Таким был уход из жизни одного из самых православных писателей 20 столетия.

Список литературы

1. Алексеева Л.Ф. История русской литературы 20 века. – М., 2005. - С.214.
2. Бондаренко Э.О. Праздники христианской Руси. – К., 2004. - С.17.
3. Дунаев М.М. Творчество И.С. Шмелева (1873-1950).// Православие и русская литература. Ч.5. – М., 2003. - С. 614-727.
4. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10т. Т.6 кн.1. М.,1996. - С. 335-382.
5. Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе Русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С.Шмелев. – СПб, 2003. - С. 133-146.
6. Михайлов О.Н. Литература Русского зарубежья. – М.:Просвещение, 1995. - С. 113 - 603.
7. Осьминина Е.А. Радости и скорби И.С. Шмелева// Шмелев И.С. Лето Господне. - М., 1996. -С. 12.
8. Прокопов Т.Ф. Москворецкий златоуст: жизнь и книги Ивана Шмелева// Шмелев И.С. Неупиваемая чаша: Избр. произв. – М.: Школа-пресс, 1996. - С.12.
9. Соколов А.Г. История Русской литературы конца 19-начала 20 века. – М., 2000. -С.10-36.
10. Шмелев И.С. Лето Господне. Т.2. – М.: Мол. Гвардия, 1991. - С.116.

Рецензенты:

Дайхин Т.Л., д.фил.н., доцент, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций гуманитарного факультета ФБГОУ ВПО «Нижевартовский государственный университет», г.Нижевартовск.

Култышева О.М., д.фил.н., доцент, доцент кафедры филологии и массовых коммуникаций гуманитарного факультета ФБГОУ ВПО «Нижевартовский государственный университет», г.Нижевартовск.